

Великоросс

Купает конь свои копыта
В траве, омытой влагой рос.
На нем сидит, кольчугой скрытый,
Могучий муж — великий Росс.

Он до сих пор на ратной страже,
Он Русь свою готов спасти.
И тать любой побитым ляжет,
Когда надумает прийти,

Корыстью движим, на просторы
И в веси русские извне.
Он встретит всадника, который,
С мечом, в доспехах, на коне,

Корыстолюбца озадачит,
Да не шутейно, а всерьёз.
И будет мир, покуда скачет
Землёй своей ВЕЛИКОРОСС.

Совість

Совість — такое слово. Или такая участь? Что заставляет снова Душу сомненьем мучать	Сила добра и света, Сила прямого взгляда, И не удара в спину И обращенья к вере. Чтоб не наполовину Верить, а в полной мере.
И задавать вопросы, С логикой часто ссорясь? Может быть, это просто Слабость людская — совесть?	Что же такое совесть? Миф, что из сказок выжат? Или спасенье, то есть То, без чего не выжить.
Или же сила это, Сила, в которой правда,	

Я русский по праву

Я русский и всю жизнь живу в России,
Среди ромашек русских и берёз.
Средь русских трав, что под росой скосили
Среди веселья русского и слёз.

Я русский и всю жизнь в Россию верю,
И в Бога верую, что Русь мою спасёт,
Застолью русскому и русскому похмелью.
Я свято верю в русское во всё.

Я русский, и язык мне мой по нраву,
Он мне милее прочих языков.
Я русский по рождению, по праву,
По месту написания стихов.

Парк у вокзала

Парк у вокзала — место для свиданий
В любом провинциальном городке,
Стоял у окон зала ожиданий
Метатель с диском в гипсовой руке.

Пружину дверь входная отрывала,
Работая со скрипом, на излом.
Неподалёку девушка стояла
В купальнике и с гипсовым веслом.

Давно тех статуй нет, исчезли всеу,
Уж не встречают каждый эшелон.
Но память их как символы рисует
Советских приснопамятных времён.

Я так люблю свой дом

Я так люблю свой дом, с цветами у балкона,
Где ветер тянет тюль в распахнутый проём.
С божницей у окна, где каждая икона
О Боге говорит и слушает о Нём.

Я так люблю свой дом, с картинами по стенам,
Которые мой друг когда-то написал.
Люблю диван в углу и в возрасте почтенном,
Люблю гостей, на нём сидящих, голоса.

Я так люблю уют, наполненный любовью,
Где звук твоих шагов пока ещё не стих.
Где смотрят на меня, то радостно, то с болью
Уставшие глаза родителей моих.

Я здесь порой люблю побыть с самим собою,
С собой поговорить об этом и о том.
Люблю, когда стихи весёлою гурьбою,
А то по одному ко мне приходят в дом.

Люблю, что тополя шумят со мною рядом,
Что с ними двор один уж много лет делю.
И тополиный пух люблю, летящий на дом.
Я так люблю свой дом, я так его люблю!

Осенний ресторанчик

Мне как-то веселее стало, что ли.
Пенёк с декором высохшей коры,
Как будто бы заказанный мной столик,
Осенний ветер листьями накрыл.

Опята, словно свежие салфетки.
Дресс-код проводит сгорбленный канюк¹.
А на краю пенька кусок газетки
Улёгся предлагаемым меню.

Меня здесь ждут всегда и рады очень.
Осиновые листья вместо роз
Я подарю тебе. И если хочешь,
Я попрошу, чтоб спел нам песню дрозд.

Официанты — белочка в манишке
И шустрый полосатый бурундук

¹Канюк — хищная птица

Предложат нам с тобой грибы и шишки
И прочую осеннюю еду.

И принесут нам ягоды с тобою
И много ещё разного всего.
Я расплачусь листвою золотою,
Мне для тебя не жалко ничего.

Пусть тёплый воздух осени обманчив,
Но мы с тобой сюда пришли не зря.
И не забудем этот ресторанчик,
Осенний ресторанчик сентября.

На покосе

Солнце лба ещё не греет.
Росы в отблесках зари.
Утро, роща, а за нею
Точат косы косари.

Пара штук в лицо вопьётся,
Заворчит в сердцах мужик.
И косою размахнётся,
Да как даст с оттяжкой «вж-ж-ик».

Точат, жала отбивают.
Глазу их труды любви.
А иначе не бывает
И сноровистой косьбы.

Слева «вж-ж-ик», и тут же справа.
Сзади, эхом средь берёз,
Дружно вжикает дубрава,
Начинается покос.

Дело сделано, ложится
В руку длинное косьё².
Шаг в росу, и вверх взроится
Звонкой стаей комарьё.

И тогда пьянящий, тонкий
Разнесут вокруг ветра
Запах срезанных литовкой,
Только что стоявших трав.

Буря

Везли людей таксомоторы,
В осенних куртках и пальто.
Сливался в щёлканье затворов
Звук открываемых зонтов.

И с крыш плевались водостоки
На выходящих из машин.
В дождя потоках шли потоки
Осенних женщин и мужчин.

А небо словно полыхало,
Гремя, рассерженно тряслось,

И ветром зонтики ломало,
На них свою срывая злость.

Оно пронзительно свистело,
И даже показалось мне,
Что это демон Азazelло
Верхом на угольном коне

Промчался вкупе с малой свитой,
Желаньем Воланда гоним,
Что это Мастер с Маргаритой
Неслись во весь опор за ним.

²Косьё — рукоять косы

Проводы зимы

Крыша вздыбилась вздохом весенним,
Одеяло из снега задрал.
Март. Прощённое — всех — воскресенье
Извинить его просит с утра.

Всё сегодня прощается, даже
Не прощённому раньше врагу.
И блины испечённые мажут
Люди маслом, и чучело жгут.

Столб ошкуренный парни штурмуют,
Смех и крик заглушают слова:
— Эй! Рябую снимайте, рябую!
— Самовар забирай! Самовар!

Клетку с курицей ветром колышет,
Самовар на верёвке повис.
Сделал вид, что насмешек не слышит
Неудачник, сползающий вниз.

Тут поют, там танцуют вприсядку,
Забывая про всё впопыхах.
Мужичок разухабил трёхрядку
Так, что чуть не порвались меха.

Ребятня, как в снегу облепиха,
Угродилась у горки гурьбой
И снежками кидается лихо,
И хохочет сама над собой.

Что ж такому веселью виною?
В чём причина такой кутерьмы?
Это новая встреча с весною,
Это проводы русской зимы.

* * *

Как коротко, как ёмко слово Русь,
Как радостно-легкопроизносимо!
Как будто, заплутавшее в бору,
Девичье-неспокойное «Ау!»,
Призывно пролетающее мимо.

Мило мне православие твоё
И долгое твоё многотерпенье,
Погосты, над крестами вороньё,
В мышинных норах жёлтое жнивьё
И жаворонка радостное пенье.

Как движимые ветром ковыли,
Как небо над родимыми местами,
В котором горько плачут журавли,
Как хлебный дух, идущий от земли,
И церкви с золочеными крестами.

Живу тобой, дышу тобой, горжусь,
Другой судьбы себе не выбирая.
Твоей землёй когда-то уберусь.
Как коротко, как ёмко слово Русь,
И как в восторге сердце замирает!